

Мне почему-то казалось, что писатели, особенно великие, — неумолимые рассказчики. Что у них всегда на памяти куча поучительных историй из жизни. Что они мыслят образами, метафорами или на худой конец гиперболой. Писатель, с которым довелось встретиться мне, — литературный гигант. Меня еще на свете не было, а его уже проходили в школе по списку обязательной литературы. А кого у нас в школах проходят? Известно кого — классиков современности.

Чингиз Айтматов предпочитает говорить "мы" вместо "я". И совсем не любит историй из жизни. Он живет в другом жанре. Его издавали в мире 650 раз на 150 языках, общим тиражом более 40 миллионов экземпляров. И он мыслит глобально.

Я знаю, почему актеры опасаются поступать на службу: она мешает им быть актерами. Интересно, а что происходит с писателем, когда он становится чиновником?

— Насколько мне известно, вы сейчас занимаетесь дипломатической деятельностью?

— Да, это так, и ничего удивительного в этом нет. Я работаю в Бельгии в качестве посла Киргизстана.

— Это что — почетная ссылка на покой?

— Какая же это ссылка? Даже если подойти чисто прагматически, существовать на гонорары, на заработки от творчества, сейчас очень сложно. Было время — наше, советское, ушедшее время, — когда поэты получали зарплату за свои стихи. Огромными тиражами выходили книги, и они имели своих читателей. От этих читателей я получал массу писем, по несколько десятков в день. Сейчас, если за год три-четыре письма получишь — это уже интересно. Мы и не знали, что во многих обществах творчество рассматривается как хобби, а не профессия. Запад на этом стоял и стоит. Помню, в те времена я оказался в Америке и разговорился с одним литератором. И он вдруг говорит: "Какие вы счастливые люди, советские писатели!" Я спрашиваю: "И в чем наше счастье? За рубеж ехать трудно, иные в диссиденты уходят..." А он: "Как бы мне хотелось, чтобы меня посадили в тюрьму за мое литературное творчество". Сначала меня это поразило, но потом я понял, что он хотел ощутить свою значимость хотя бы такой ценой.

Теперь и у нас наступили другие времена. Творчество творчеством, но, кроме того, каждый пытается найти свое место и в общественной жизни. Или на государственной службе. Так и я оказался на этом поприще.

— То есть для вас это — просто кусок хлеба?

— Не совсем. Еще в эпоху перестройки я почувствовал, что моя общественная деятельность занимает слишком много времени. На литературу его почти не оставалось. И я решил совместить одно с другим.захотел иметь постоянную службу, которая позволяла бы мне писать.

О моем желании сказали Горбачеву, он посоветовался с каким-то кругом людей. Назначение сочли нужным и возможным. И я стал послом в Люксембурге. Мне предложили разные варианты, но я выбрал самую маленькую страну, надеясь, что объем работы там будет меньше. Теперь вот перебрался в Бельгию.

— Ваша первая повесть появилась, когда вы были уже достаточно взрослым человеком. А чем вы занимались до этого?

— После войны я два года работал секретарем сельсовета. Потом учился в ветеринарном техникуме. Оттуда поступил в сельскохозяйственный институт, почти три года проработал на производстве. Очень интересным — это была экспериментальная ферма Института животноводства. Я там был главным специалистом.

— И как же зоотехник стал литератором?

— Я еще в студенческие годы имел тяготение к литературе, начал заниматься переводами с русского на киргизский. Дальше я написал первые свои вещи, и мне, видимо, сразу повезло. Открылся путь для учебы на Высших литературных курсах в Москве.

— Когда вы приехали в Москву, вас кто-то поддерживал, помог?

— Тогда это было в порядке вещей — способный молодой писатель из глубинки. Никакая поддержка не требовалась. Единственный приоритет был, чтобы человек не просто сошел с ученической скамьи, а уже прошел какую-то жизнь, побывал на производстве. Здесь сказывались принципы социалистического реализма. Социализм предполагал, что настоящая литература идет от знания жизни людей труда. И, кстати, я считаю, что на этом пути никакого особого уро-

на мы не понесли. Надо знать и эту сторону человеческого бытия. Во всяком случае это не менее ценно, чем попытки нынешних писателей проникнуть в смутные проявления подсознания. Многие современные вещи, претендующие на супермодернизм, ушли в другую крайность. Да, подсознание таит в себе многие человеческие чувства — и великие, и порочные. Но не думаю, что это направление в литературе более полно представляет человеческий образ, чем то,

дентами. Чью сторону принимали вы?

— Нет, не скажу, что я занимал какую-то яркую и активную позицию. Хотя я, конечно, сочувствовал людям, которые были вынуждены через это пройти. И они свою миссию выполнили. Попытка изъять их из нашей общественно-культурной жизни все равно ни к чему не привела. И значимость диссидентства — как раз в том, что оно преодолело сопротивление.

— Вы сказали, что полу-

гда в театре "Современник" ставилась моя пьеса "Восхождение на Фудзияму". Тогда я действительно почувствовал жесткость и предвзятость цензуры. В пьесе были определенные идеологические стороны, и руководство настаивало на том, что надо все переписать. Я попросился на прием к Гришину — он был первым секретарем Московского горкома партии. Гришин принял, я объяснил ему, что к чему, и был найден выход из положения. Пьеса пошла. И пошла очень ус-

ным событием — мои книги появились на непальском и тамильском языках. Тамильский — это язык юга Индии и Шри-Ланки. А Непал — горная самобытная страна, мало связанная с общемировым литературным процессом. Это же о чем-то говорит! Поэтому я думаю, что оснований для таких обвинений нет. А вообще литературная среда — она очень ревностная. Много людей, которые за глаза могут сказать все что угодно, лишь бы был повод.

— Я хотела поговорить о

но в то же время он должен быть космополитичным.

— И все же — вы выросли в мусульманской культуре. Занимались ли вы изучением христианства для написания "Плахи" или это такой поверхностный, общий взгляд?

— Нет, этой мой общий взгляд, а специально ничего не изучал. Это мое мироощущение и понимание. Если б вы прочли роман "Тавро Кассандры" — хотя, к сожалению, его сейчас нигде не найти, — там я тоже высказался на эту тему.

— Вы были председателем Союза кинематографистов Киргизии. Чем привлекло вас кино?

— Да, был в течение 20 лет. Так что все наше кино в общем-то выросло у меня на руках. Я в нем просто как патриарх. Появились молодые режиссеры, операторы, артисты, начали сниматься первые национальные фильмы, и кто-то должен был все курировать. Мне это было близко, тем более что многое снималось по моим произведениям. Я в меру своих сил способствовал кино, и вот тогда мы как раз достигли довольно больших успехов в национальной кинематографии.

— В ваших ранних повестях очень много — о несчастной любви. У вас большой опыт несчастной любви?

— Да, конечно, о любви писалось, пишется и будет писаться. Это главная тема искусства. Изображать любовь в ее радостном выражении — это тоже, наверное, входит в задачу писателя. Но я описываю ту сторону, которая для меня близка, которую я лучше и глубже могу выразить.

— Но личный-то опыт был?

— Был, естественно. Прожить жизнь и не столкнуться с разными ее сторонами — такого не бывает. Всегда что-то происходит.

— Скажите, ваша семья живет вместе с вами в Бельгии?

— Да. Это вторая моя семья. Дети от первого брака уже взрослые, сами семейные, у меня есть внуки. А младшая моя дочь сейчас завершила учебу, поступает в университет. И сын растет. Мы с супругой ведем свою семейную жизнь таким образом, чтоб можно было и работать, и детей воспитывать.

— Ваша жена — русская?

— Нет, она киргизка. И первая жена — тоже.

— Считается, что писатель просто обязан быть человеком светским. Вы светский человек?

— Как о себе сказать — светский я или нет? Все должно быть в меру и со смыслом. Сидеть, без конца разглагольствовать и произносить бесконечные тосты — это не мое.

— Ваши книги давно вошли в школьные программы. Вы чувствуете себя классиком?

— Да, в школьные программы они и в Болгарии вошли, и в Германии, и в Италии. Это, конечно, что-то знаменует, но главное — творить и писать что-то новое. Если судьба мне позволит, я хотел бы написать еще пару книг интересных — замыслы есть. Обобщить то, что было. Давно вынашиваю мысли об одной пьесе, вот все мучаюсь...

— Почему "мучаюсь"?

— Время, время, время — его не хватает. Больше ничего. А просто уйти в сторону, превратиться в отшельника и только писать — тоже душа не терпит. Мы так привыкли быть в общественном процессе...

— Скажите, а вам никогда не хотелось попасть в тюрьму за свое литературное творчество, как тому американскому писателю?

— Я всегда открыто выражал себя через свои произведения. И многие мои вещи говорят о том, что у меня была своя точка зрения, свой подход и понимание. Я вовсе не считал нужным — после сталинизма и после оттепели — как-то обострять отношения с властью, действовать так, чтоб начались гонения. В этом не было необходимости.

Теперь возвращение к монологу "о тенденциях к интеграции" неизбежно. Потому что для моего героя именно эта часть интервью была особенно важной. И когда я легкомысленно пытался превратить его речь посторонним вопросом, он останавливал сановным жестом мой порыв, неторопливо произносил: "Минуточку" — и продолжал. Приведу лишь одну цитату: "Глобализация, которую мы переживаем, с единой информационной системой, которая все больше стабилизируется, с одной стороны, помогает всеобщности, а с другой стороны, надо опасаться некой стандартизации..."

Я не ученый-футуролог — мне трудно оценить важность проблемы. Но неужели передо мной тот самый человек, который вывел когда-то на белом листе бумаги нежную, беззащитную строчку: "Тополек мой в красной косынке"?..

Катя ПРЯНИК.
Фото Анатолия БЕЛЯСОВА.

ПОСОЛ ИЗ ВЕТЕРИНАРНОГО ТЕХНИКУМА

Чингиз Айтматов: "Один-единственный раз я попросился на прием к Гришину..."

что пытались сделать мы. Это мода, а настоящее искусство должно быть над модой.

— В какой семье вы родились?

— Мой отец был одним из видных людей своего времени, он был партийным лидером. И кончилось тем, что он попал под репрессии. Теперь эти моменты прошлой жизни настолько далеки... Но то, что я сам увидел и испытал в детстве — поголовное истребление интеллигенции, партийной элиты, — это еще долго потом давало о себе знать.

— А как складывались ваши отношения с партийным руководством, когда вы уже стали известным писателем?

— Они складывались в определенном взаимопонимании. Ни с Брежневым, ни с Хрущевым я не общался. Хотя тогда был уже на литературной арене. А с Горбачевым встречался. Вы-то, наверное, не знаете об Исык-Кульском форуме знаменитом? Видите, все так быстро удаляется и исчезает. А ведь тогда, 11 лет назад, мне удалось почти невозможное. Я собрал близких мне людей из разных стран — политологов, ученых, литераторов. Никогда и никто в пределах той, советской, действительности не мог так просто, без санкции и разрешения, приехать или уехать. А тем более публично выражать свои мнения. Тогда впервые удалось. И в моей биографии это было очень запоминающееся событие.

— В чем же заключалась его необычность? О чем шла речь?

— Сейчас для вашего поколения уже очень далеко то, что нас волновало и заставляло собираться. А собрались очень интересные люди. Тогдашний президент Римского клуба Александр Кинг. Один из выдающихся футурологов современности, великий мыслитель Эльван Тоффлер. Классик американской драматургии Артур Миллер. Нынешний генеральный директор ЮНЕСКО Федерико Майор. Всего 17 человек. Это было в общем-то откровение, возникшее на каком-то острове глобальных противоречий — Запад и Восток, две стороны мира, все время ищущие урегулирования и в то же время наращивающие готовность к мировой войне. Наш форум имел настолько большой резонанс, что Горбачев попросил нас прибыть в Москву и захотел с нами встретиться. Была знаменитая "встреча семнадцати". Впервые в том идеологическом режиме мы вместе с Горбачевым объявили, что общечеловеческие ценности имеют большую значимость, нежели классовые или национальные интересы. До этого такие вещи даже и не произносились.

Совсем недавно мы вновь провели Исык-Кульский форум. Мы многое пережили, многое явилось неожиданным, в том числе распад Союза. И собрались, чтоб осмыслить, что же произошло, что грядет впереди и что является главными проблемами современности. Остановили свое внимание на глобальных национальных аспектах культур XXI века. Пришли к выводу, что тенденции интеграции цивилизаций...

Дальнейший монолог я вынуждена опустить. Чтобы обязательно вернуться к нему. Но только — позже.

— А сейчас вы с Горбачевым общаетесь?

— Да, он приезжал на нынешний Исык-Кульский форум. Очень интересно выступал, его достойно принимали.

— По моим представлениям, в те времена ни один из видных деятелей в Союзе писателей — а вы были секретарем правления — не мог сохранять нейтралитет в многочисленных разборках с дисси-

чали очень много писем в свое время. О чем писали люди? Может, за помощью обращаться?

— К кому? Ко мне? Читатели? Нет, это были письма сугубо литературные. "Я читал", "я считаю так-то", "я вам благодарен" и так далее. У меня много корочек с этими письмами. Теперешним людям это трудно понять. А тогда наши книги были настолько значимы, такое место занимали в духовной жизни читателей, что я сразу чувствовал: они видят подтекст, подоплеку. Отношение к литературе было другое.

А теперь я все больше получаю письма от европейцев. Недавно отвечал одной итальянской студентке — она пишет диплом по моему роману "Плаха". Я счел нужным опубликовать эти письма у нас, в Киргизстане. Мне кажется, что для читателей, особенно для молодых, это поучительно.

— Когда вы работали главным редактором "Иностранки", вам, наверное, пришлось столкнуться с советской цензурой...

— Я работал до всего года полтора-два. И, по-моему, все это слишком преувеличено. Я никогда не сталкивался с категорическим запретом. Конечно, задавались вопросы, высказывались сомнения. Но всегда можно было искренне объяснить свою позицию. Убеждать и переубеждать, искать компромисс. Единственный случай, вынудивший меня пойти "наверх", — это ко-

пешно. Это был единственный случай, и то можно было найти выход.

— Да, но вам как главному редактору наверняка спустили список зарубежных авторов, запрещенных к публикации...

— У нас литература отбиралась наиболее интересная и содействующая. Мы брали выдающихся писателей, западных классиков. А если б мы кинулись открывать все шлюзы, как сейчас, выплыло бы то, что теперь на каждом углу. Все эти криминальные детективы. Тогда о такой литературе и речи не могло быть. Поэтому наш журнал и сохранил неочевидную службу. Он был олицетворением того, что мы могли взять из западного образа мышления.

— Вас часто относят к разряду номенклатурных писателей. Как вы относитесь к подобной номинации?

— Я не знаю, кто, где и как меня относит к номенклатурным писателям. Меня это мало волнует. Но если б я был действительно номенклатурным, разве мои произведения так широко переводились и издавались бы? И это в ТО время! Я могу гордиться тем, что мое имя — в первой, наверное, десятке наиболее широко переводимых и издаваемых писателей не только тогдашнего Советского Союза, а в мировом масштабе. Это не голословное заявление, на этот счет есть статистика ЮНЕСКО. Недавно — и для меня это было необыкновен-

вашей "Плахе". Ее появление в первый год перестройки — это случайное или все же именно новые времена и вдохновили?

— Нет, это совпадение. Теперь я об этом думаю, тогда — и не думал. Это какое-то удивительное совпадение, органичное и закономерное. Тогдашнее наше миропонимание, в частности мое, выразилось в "Плахе". Так запросто придумать какую-то вещь акkurat в данной ситуации — это невозможно. Это всегда ощущается. Видно, что это искусственное.

— Тогда вы, по-моему, первый в советской литературе после Булгакова обратились к христианским ценностям...

— Да, так считается. Та итальянская студентка тоже коснулась этой темы — поиск Бога. Или наоборот — ересь, протест против религии. Все религии по-своему велики, но все они догматичны. В этом их сила и их слабость. Их истины установлены однажды и на все времена. И не всегда это созвучно реальности. Мой герой как раз из тех, кто почувствовал: надо продвигаться дальше, что-то еще увидеть...

— А вы лично — религиозный человек?

— Нет, я не скажу, что я такой фанатично-религиозный. Я ко всему отношусь с долей сомнения и раздумий. Я считаю, что человек должен уважать и ценить религиозные традиции и учения,

Нова. Камерален - 1997 - 2001 - с. 2